

О фронтах гибридной войны в экономическом и геополитическом пространстве

On the fronts of a hybrid war in the economic and geopolitical space

УДК 338;339;327

Получено: 07.09.2020

Одобрено: 25.09.2020

Опубликовано: 25.10.2020

Тебекин А.В.

Д-р техн. наук, д-р экон. наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; профессор кафедры Социокультурного проектирования и развития территорий Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва
e-mail: Tebekin@gmail.com

Tebekin A.V.

Doctor of Engineering, Doctor of Economics, professor, honorary worker of science and technology of the Russian Federation, professor of department of management of the Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia, Professor of the Department of Socio-Cultural Design and Development of Territories of the Lomonosov Moscow State University, Moscow
e-mail: Tebekin@gmail.com

Анисимов Е.Г.

Д-р техн. наук, д-р военных наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор, Российского университета дружбы народов, г. Москва
e-mail: an-33@rambler.ru

Anisimov E.G.

Doctor of Engineering, Professor, Doctor of Military Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
e-mail: an-33@rambler.ru

Аннотация

Рассмотрены современные проблемы социально-экономического и политического развития Российской Федерации под влиянием мировой политики, направленной на поступательное перераспределение сфер мирового влияния (геополитики), проявляющейся, в том числе, в новых концепциях обеспечения контроля над рассматриваемыми территориями (с их природными богатствами и ресурсными возможностями) посредством гибридных войн. С учетом основных положений национальных геополитических школ (американской, английской, немецкой, японской и отечественной), проанализированы выделяемые С. Глазьевым четыре фронта гибридной войны против России, включая: политику Центрального банка Российской Федерации, обеспечение зависимости России от импортных информационных технологий, пропаганду и оружие. Показано, что выделенные С. Глазьевым фронты не являются всеобъемлющими и не отражают целостную, интегральную картину гибридной войны против России. Представлена авторская расширенная трактовка выделения основных составляющих гибридной войны, представляющих собой скрытые

операции. Проанализированы этапы развития гибридной войны против России в последние десятилетия, и дана оценка влияния гибридной войны запада на процессы политического, экономического и социального развития Российской Федерации. С позиций комплексного политико-экономико-социально-технологического анализа (PEST-анализа) продемонстрирована реализуемая цепочка технологий гибридной войны стран-агрессоров в отношении России. Показано, что наиболее эффективной комплексной технологией противостояния гибридным войнам, проводимым странами-агрессорами, является цепочка: научно-техническое развитие – экономический рост – социальное развитие – укрепление внутри- и внешнеполитических позиций.

Ключевые слова: экономическое пространство, геополитическое пространство, фронт, гибридные войны, скрытые операции.

Abstract

The article considers modern problems of the socio-economic and political development of the Russian Federation under the influence of world politics aimed at the progressive redistribution of the spheres of global influence (geopolitics), which is manifested, inter alia, in new concepts of ensuring control over the territories under consideration (with their natural resources and resource potential) through hybrid wars. Taking into account the main provisions of the national geopolitical schools (American, English, German, Japanese and Russian), the authors analyzed the four fronts of the hybrid war against Russia identified by S. Glazyev, including: the policy of the Central Bank of the Russian Federation, ensuring Russia's dependence on imported information technologies, propaganda and weapons ... It is shown that the fronts identified by S. Glazyev are not all-encompassing and do not reflect a holistic, integral picture of a hybrid war against Russia. The author's extended interpretation of highlighting the main components of hybrid warfare, which are covert operations, is presented. The stages of the development of the hybrid war against Russia in recent decades are analyzed and the impact of the hybrid war of the West on the processes of political, economic and social development of the Russian Federation is assessed. From the standpoint of a comprehensive political-economic-social-technological analysis (PEST-analysis), the implemented chain of technologies of a hybrid war of aggressor countries against Russia is demonstrated. It is shown that the most effective complex technology for countering hybrid wars waged by aggressor countries is the chain: scientific and technological development - economic growth - social development - strengthening of domestic and foreign policy positions.

Keywords: economic space, geopolitical space, front, hybrid wars, covert operations.

Введение

Происходящие в мире экономические кризисы традиционно приводят к политическим обострениям, причем как во внешней, так и во внутренней политике. В этом смысле глобальный экономический кризис 2020 г. [35] не стал исключением.

Исследуя эту проблему, представляет интерес рассмотрение позиции С.Ю. Глазьева, связанной с оценкой содержания и состава фронтов гибридной войны против России [1].

С одной стороны, следует согласиться с мнением С.Ю. Глазьева о том, что обострение противоречий в мире, «когда доминирующая страна начинает терять явное превосходство, а на периферии вырастает конкурент» [1] происходит одновременно со сменой технологического уклада.

С другой стороны, никак нельзя согласиться с термином «совпадение» [1] (имеется в виду по времени – прим. автора), который использует С.Ю. Глазьев, описывая динамику политических и экономических событий. Поскольку если обратиться к классике, то нельзя не признать того факта, что «политика есть концентрированное выражение экономики» [16]. Иначе говоря, эти процессы не просто

совпадают по времени (поскольку «совпадение» по С.И. Ожегову – это «случайная совмещённость каких-нибудь событий, явлений» [22]), а напротив эти события имеют очевидные причинно-следственные связи, в которых экономические события являются причиной, а политические – следствием. При этом всплески экономических и политических событий характеризуются асинхронностью, поскольку политические события всегда разворачиваются позднее (причем порой значительно позднее) экономических.

Но еще большую дискуссию вызывает состав фронтов гибридных войн против России, который выделяет С.Ю. Глазьев, а именно [1]:

- Центробанки;
- информационные технологии;
- пропаганда;
- оружие.

Отдавая должное выделяемым С.Ю. Глазьевым фронтам гибридных войн в геополитическом пространстве, следует отметить, что этот перечень представляется достаточно неполным.

Цель исследования

Таким образом, целью представленных исследований является детальное рассмотрение состава и содержания фронтов гибридной войны в современном экономическом и геополитическом пространстве и их вероятное влияние на развитие России.

Методологическая основа и методическая база исследований

Методологическую основу предлагаемой работы составили результаты фундаментальных исследований в области «оценка современного состояния и прогнозов обеспечения экономической безопасности, а также разработки обеспечивающих ее механизмов» [56]¹, определения «сущности, содержания и направленности процессов международных отношений, основных сфер деятельности субъектов и объектов мировой политики глобального и регионального масштаба, отдельных государств и их союзов» [23].

Методическую базу исследований в данной работе составили труды таких авторов, как Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. [2], Анисимов Е.Г. [58]², Бартош А.А. [3,4], Бонд М. [43], Ильницкий А.М. [10], Клименко С. [12], Комлева Н.А. [15], Маккейн Дж. [52], Манойло А.В. [17], Мэртон П. [51], Мюррей В., Мансур П. [55], Пиндьяк П. [53], Позубенков П.С., Позубенков С.П. [25], Половенко О., Грозный О. [26], Попеску Н. [54], Тебекин А.В. [57]³, Тулеев М. [37], Флеминг Б. [45], Хоффман П. [47] и др.

Методическую базу представленного исследования также составила технология комплексного политико-экономико-социально-технологического анализа (PEST-анализа) [59]⁴, демонстрирующая относительно сильные и слабые стороны государства, подвергающегося воздействию извне посредством гибридных войн.

Основное содержание исследования

¹ Паспорт специальности ВАК 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в том числе: экономическая безопасность)

² Зегжда П.Д., Супрун А.Ф., Анисимов В.Г., Тебекин А.В., Анисимов Е.Г. Методический подход к построению моделей прогнозирования показателей свойств систем информационной безопасности. // Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы. – 2019. – № 4. – С. 45–49.

³ Тебекин А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В. Проблемы экономической безопасности России на исходе первой волны пандемии коронавируса. // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2020. – № 3. – С. 7–15.

⁴ Тебекин А.В. Стратегическое управление персоналом. Москва, 2020.

При проведении исследований фронтов гибридной войны в экономическом и геополитическом пространстве были учтены основные положения геополитических теорий, получивших отражение в национальных геополитических школах (табл. 1), и проявляющихся в геополитических и экономических интересах стран.

Таблица 1

Основные национальные геополитические школы и их характеристика

№	Название геополитической школы	Основные положения геополитической школы	Ведущие представители геополитических школ
1	Американская геополитическая школа	<p>Принцип интегрированного контроля территорий, осуществляемого США по всему миру в целях недопущения усиления стран, союзов и территорий – геополитических конкурентов, среди которых выделяются четыре иерархических уровня:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) геостратегические регионы; 2) геополитические регионы; 3) великие державы; 4) новые державы 	<p>Мэхэн А. [46], Спикмэн Н. [13], Хантингтон Э. [44], Бжезинский З. [5], Хантингтон С. [38], Энгдаль Ф. [42] и др.</p>
2	Английская (Британская) геополитическая школа	<p>Рассматривается противостояние сухопутных и морских держав, базирующееся на следующей формуле (цепочке) Х. Маккиндера:</p> <ol style="list-style-type: none"> «1) Кто правит Восточной Европой, господствует над Хартлендом (название территории Русской равнины, Западной Сибири и Средней Азии); 2) кто правит Хартлендом, тот господствует над Мировым островом (территория Евразии и Африки); 3) кто правит Мировым островом, тот господствует над всем миром» [50] 	<p>Маккиндер Х. [50]</p>
3	Немецкая геополитическая школа	<p>Базируется на учете географических факторов в политическом развитии, призывает к реализации агрессивного экспансионистского внешнеполитического курса и включает следующие идеи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) государство развивается и растет как живой организм, в связи с чем закономерно стремится к территориальному расширению [28]; 2) успешное функционирование государства как живого организма определяется условием обеспечения государственной самодостаточности [40]; 3) создание сверхрегионов как источников развития жизненного 	<p>Хаусхофер К. [48], Ратцель Ф. [28], Челлен Р. [40], Шмитт К. [41] и др.</p>

№	Название геополитической школы	Основные положения геополитической школы	Ведущие представители геополитических школ
		пространства государства путем поглощения малых государств, вносящих дестабилизацию в систему международных отношений в силу неспособности проводить самостоятельную внешнюю политику [48]	
4	Японская геополитическая школа	Характеризуется следующими этапами развития: 1) создание новой внутривластной структуры на базе Императорской ассоциации правового содействия, функционирующей по принципу германской партии национал-социалистов: «одна нация — один вождь (фюрер) — одна партия» [19]; 2) создание на основе идеи паназийства Великой Восточно-Азиатской сферы сопроцветания, предполагающей построение гигантской Японской империи, включающей множество японских колоний (включая практически весь Китай, большую часть территории СССР, поделенной с Германией (восточнее Урала – владение Японии, западнее Урала – владение Германии), Австралии и (при благоприятном стечении обстоятельств) — Индии), а также многочисленных марионеточных государств-сателлитов [33]; 3) создание на базе идей К. Хаусхофера [48] внешнеполитической оси «Берлин—Рим—Москва—Токио», направленной на союз с «осевыми» государствами против США и Великобритании [32]; 4) отказ от войны как от способа разрешения международных споров и притязаний в пользу цели стать одной из самых экономически мощных экономических и научно-технологических передовых стран мира [20]	Мицухито [19], Икки Кита [33], Фумимаро Коноэ [32], Госио Сиратори [20]
5	Отечественная геополитическая	Во времена СССР базировалась на геополитической концепции паритета	Вандам А.Е. [6], Мироненко Н.С. [14],

№	Название геополитической школы	Основные положения геополитической школы	Ведущие представители геополитических школ
	школа	<p>и сдерживания американской гегемонии и неоколониализма посредством строительства «мира социализма», призванного противостоять давлению «мира капитализма».</p> <p>В современных условиях отечественная геополитическая школа базируется на стремлении восстановления России в статусе сверхдержавы (при обязательном условии сохранения единства и территориальной целостности государства), начиная от временного вхождения в большую семерку стран (G7), трансформируя ее в большую восьмерку (G8), и заканчивая заключением союзов:</p> <ul style="list-style-type: none"> – с бывшими республиками СССР (в рамках союза международной экономической интеграции – Евразийского экономического союза (ЕАЭС)); в рамках региональной международной организации по проблемам безопасности – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ); – с государствами Евразии – в рамках международной организации «Шанхайская организация сотрудничества» (ШОС); – с наиболее быстро развивающимися странами мира – в рамках геополитического сообщества – Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР (БРИКС) и др. <p>При этом Россия не приемлет концепции однополярного мира во главе с США как единственной сверхдержавой и призывает к установлению на планете многополярного мира.</p>	Семенов-Тянь-Шанский В.П. [30], Цимбурский В.Р. [39], Нарочницкий А.Л. [21], Дугин А.Г. [7], Решетников Л.П. [29], Ивашов Л.Г. [9] и др.

Характеризуя основные национальные геополитические школы, необходимо отметить, что большинство из них базируется на концепции экспансии в геополитическом пространстве, вызывая тем самым формирование концепций сдерживания экспансии (например, в рамках ряда течений отечественной геополитической школы).

Для выработки технологий сдерживания геополитической экспансии стран-агрессоров представляет интерес рассмотрение ключевых технологий достижения геополитических интересов нападающей стороны.

Необходимо отметить, что в современных условиях одной из ключевых технологий достижения геополитических интересов являются геополитические войны.

Проведенные исследования показывают, что большинство авторов, рассматривая гибридную войну (англ. hybrid warfare – HW), как «вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий и кибервойн, а также оказывают поддержку повстанцам, действующим на территории противника» [54], как правило, делают акцент лишь на второй части этого определения, связанной с поддержкой открытого противодействия существующей власти оппонента, в то время как в современных условиях первостепенное значение в осуществлении гибридных войн приобретает реализация сочетания (гибрида) именно скрытых операций.

В этом смысле расширение С.Ю. Глазьевым более широкого спектра направлений (фронтов) гибридных войн, где помимо фронта оружия выделяются информационный и экономический фронты [1] (хотя и в усеченном виде), представляется оправданным, но не исчерпывающим, а посему требующим дальнейшего исследования.

В первую очередь, следует выделить экономические фронты гибридных войн, ибо концентрированное выражение экономики, по сути, и есть политика (по В.И. Ленину [16]), политика – надстройка над экономическим базисом, концентрированное выражение ее потребностей и интересов (по К. Марксу и Ф. Энгельсу [18]), а наиболее агрессивная форма проявления политики – и есть война (по К. Клаузевицу [11]), в том числе ее гибридная разновидность.

С.Ю. Глазьев в качестве такого экономического фронта справедливо выделяет Центральные банки [1] (или Национальные банки – в зависимости от страны). Однако, следует обратить внимание на то, что Центральные банки стран являются далеко не единственным (хотя и, безусловно, важным) национальным институтом, через который нападающая сторона осуществляет враждебные действия. Используя разногласия между принципалом (государством) и агентами (представителями политических элит этого государства), нападающая сторона осуществляет враждебные действия, иницируя, в первую очередь, агентские конфликты (проблемы) принципал-агента (principal-agent problems) [49], и в других национальных институтах власти.

Следует признать, что агенты зарубежного влияния в институтах власти государства олицетворяют собой один из старейших и мощнейших инструментов гибридных войн, которые сочетают в себе как выполнение запланированных внешне функций, так и индуцированных в процессе своей деятельности задач, которые появились, возможно, вне директив зарубежных недружественных государств в отношении действий агентов влияния, с одной стороны, но, с другой стороны, в рамках сформированной в результате осуществления многолетней гибридной войны со стороны враждебных государств системы реализации функций государства (в первую очередь: политических, экономических, социальных, идеологических, безопасности, отстаивания государственных интересов и т.д.) агенты влияния могут неизбежно и неосознанно претворять в жизнь ожидания недружественных государств в рамках разработанного консервативного (инерционного), устойчивого, вредоносного механизма, препятствующего эффективному развитию государства (принципала), но в интересах частной и клановой выгоды агентов.

Система реализации (и поддержания) агентских конфликтов в паре принципал-агент выстроена таким образом, что агенты влияния, замыкая на себя огромные государственные ресурсы, и существенно обогащаясь за счет них, в силу целого комплекса известных причин не имеют возможности для эффективного вложения этих

средств на территории своего государства, что способствует максимальному оттоку капитала за рубеж, и еще большей зависимости агентов иностранного влияния от своих зарубежных покровителей. Парадокс функционирования выстроенных таким образом враждебных действий заключается в том, что одновременно в качестве одной из важнейших заслуг агентов иностранного влияния перед государством рассматривается умение привлечь иностранные инвестиции.

Во-вторых, следует отметить, что именно действия агентов иностранного влияния в сочетании с их многолетними клановыми интересами в отсталых, но базовых для государства отраслях экономики в конечном итоге приводят к значительному технологическому отставанию государства и фактически глобальной его зависимости от импортных средств производства.

Здесь уместно вспомнить, что одним из первых требований агентов иностранного влияния при распаде ослабленного СССР было разрушение (в обмен на гуманитарную и финансовую помощь) отечественного машиностроения.

В этой связи в работе [36] отмечается, что если еще в 1985 г. (до момента разрушительной, научно не обоснованной горбачевской перестройки) в отечественной экономике существовала целая совокупность (а именно десять) машиностроительных министерств государственного уровня, включая: Минживмаш СССР, Минлегпищемаш СССР, Минмаш СССР, Минобщемаш СССР, Минсредмаш СССР, Минстройдоркоммунмаш СССР, Минсельхозмаш СССР, Минтяжмаш СССР, Минхимнефтемаш СССР, Минэнергомаш СССР, то по состоянию на 2020 г. всей отечественной промышленностью управляет всего несколько подразделений в объединенном Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации, в котором большой вклад в национальную экономику вносит торговля, а не промышленность (рис.1) [34].

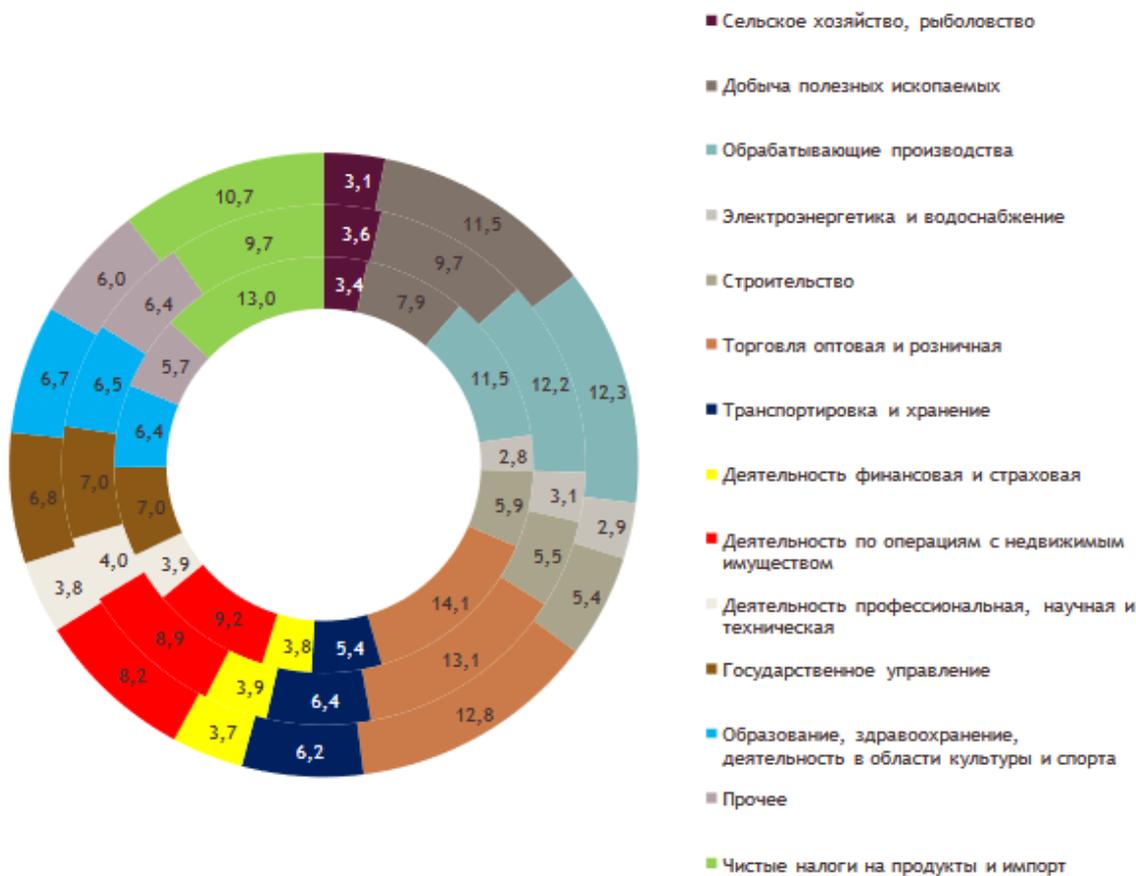

Рис. 1. Сравнительная характеристика структуры ВВП Российской Федерации по годам: внутренний круг – 2014 г., 2017 г. – средний круг, 2018 г. – внешний круг

Комментируя эту победу в гибридной войне с активным участием агентами иностранного влияния (разрушение отечественной индустрии средств производства), уместно вспомнить, что у России в 2013 г. с введением санкций Запада [31] появился прекрасный (хотя и вынужденный) шанс отыграть свои позиции в мировом хозяйстве путем импортозамещения. Импортозамещение было призвано свести к минимуму зависимость страны от импортных поставок, в первую очередь, оборудования и технологий, которая в различных высокотехнологичных отраслях составляла (и продолжает составлять) от 60 до 90% (рис. 2) [8].

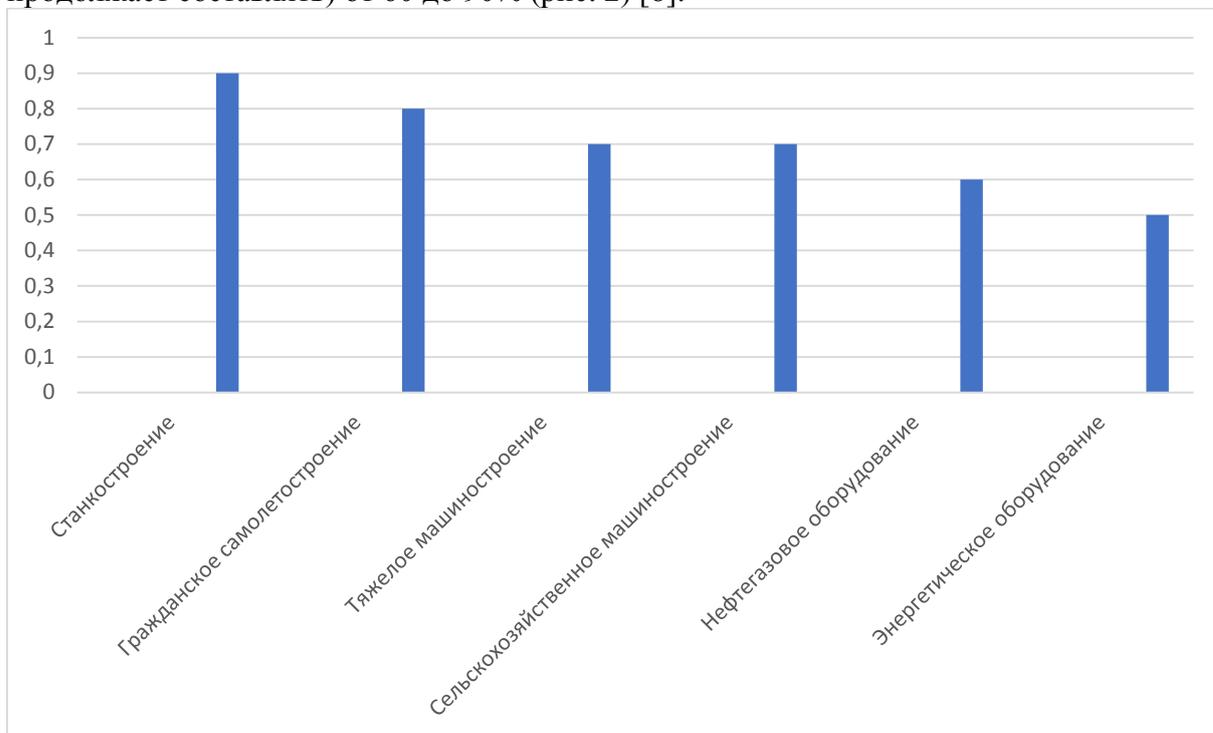

Рис. 2. Доля импорта в ключевых отраслях российской экономики по состоянию на 2014 г.

При этом обратим внимание на то, что речь идет не только об информационных технологиях, о которых пишет С.Ю. Глазьев [1], и доля зависимости от импорта которых на момент введения санкций Запада была очень высока (рис. 3) [8], а о зависимости от импорта по большинству высоких технологий (рис. 2).

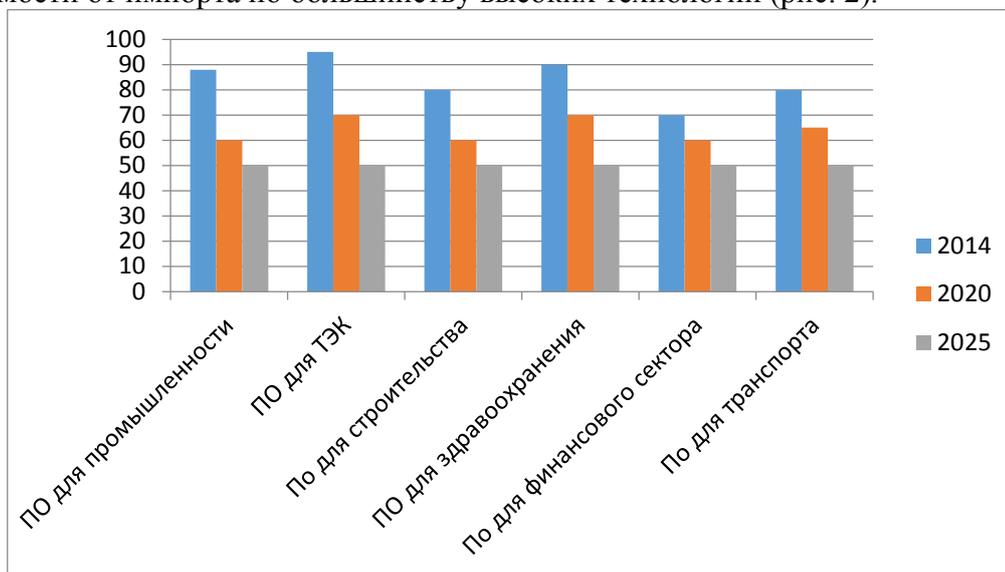

Рис. 3. План импортозамещения программного обеспечения для нужд национальной экономики, принятый в Российской Федерации в 2015 г.

Однако, несмотря на то, что в начале 2015 г. Правительством Российской Федерации был принят «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» [24], известный также как план импортозамещения, его практическая реализация фактически свелась к докапитализации банков [8], на которую в соответствии с планом было потрачено более 1,5 трлн руб. из 2,3 трлн руб. общего запланированного объема [24].

Сегодняшние успехи реализации импортозамещения в России достаточно наглядно демонстрирует динамика ВВП России в текущих ценах, представленная на рис. 4 [24], согласно которой Россия после введения экономических санкций Запада так и не смогла до настоящего времени достичь досанкционного уровня экономического развития и не воспользовалась своим шансом восстановления технологического суверенитета за истекшие шесть лет. При этом с очень высокой вероятностью можно прогнозировать, что и в 2020 г. ВВП России в текущих ценах в \$ не достигнет уровня 2013 г.

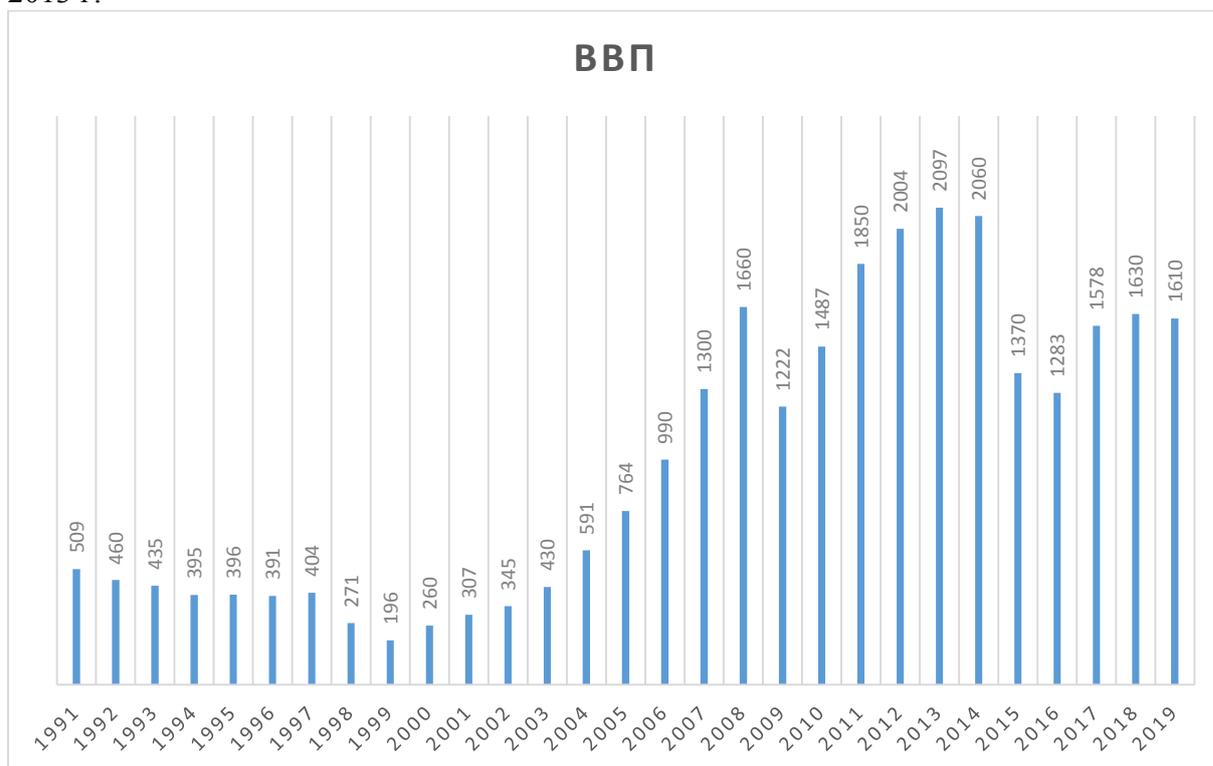

Рис. 4. Динамика ВВП России с 1991 по 2019 г. в текущих ценах, в млрд \$

Таким образом, можно говорить о том, что за истекший период Россия (в том числе благодаря усилиям агентов иностранного влияния) так и не воспользовалась представившейся возможностью решить проблему импортозамещения. А она по-прежнему очень существенно влияет на развитие отечественной экономики [27]. И, к сожалению, это касается большинства сфер национального хозяйства, эффективность и международная конкурентоспособность которых зависит от уровня используемых технологий.

В-третьих, следует признать, что существующие противоречия между декларируемыми социально-экономическими целями государства и фактическими результатами их реализации, между официально декларируемой и фактически реализуемой системой ценностей противоречия, существенно облегчает ведение агентами иностранного влияния идеологической борьбы, призванной пропагандировать неприятие обществом изъятий, наблюдаемых в социально-экономических, политических и культурно-нравственных аспектах развития государства. И следует

признать, что результатом использования этих видов оружия в гибридной войне становится изменение политических взглядов части граждан атакуемой страны.

Фактически это и есть часть диверсий и кибервойн, вслед за которыми, при достижении известного градуса социальной напряженности в подвергаемой нападению стране, нередко используются и другие инструменты гибридных войн, вплоть до оказания поддержки повстанцам, действующим на территории противника [54].

Но в основе достижения противоречия между декларируемыми социально-экономическими целями государства и фактическими результатами их реализации, между официально декларируемой и фактически реализуемой системой ценностей противоречий лежат экономические процессы, реализуемые с участием агентов иностранного влияния исходя из политических установок их зарубежных кураторов. В основе же установок этих зарубежных кураторов лежат геополитические амбиции стран-агрессоров, для которых одной из ключевых целей обеспечения политического влияния на выбранную страну является экономический захват ее рынка, который может произойти и без захвата территорий в привычном понимании ведения обычных войн.

Результаты обобщения оценок основных направлений реализации технологий антироссийских гибридных войн в современных условиях с точки зрения классического PEST-анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты обобщения оценок основных направлений реализации технологий антироссийских гибридных войн в современных условиях с точки зрения классического PEST-анализа

№	Направление PEST-анализа	Основное направление реализации технологий антироссийских гибридных войн
1	Технологическое	Препятствие поступлению передовых технологий в Россию в рамках санкций Запада
2	Экономическое	Замедление развития отечественной экономики, не обладающей рядом собственных передовых технологий, в сочетании с манипулированием политикой Центрального банка
3	Социальное	Мультикультурное и пропаганда любых расхождений между декларируемыми и фактически демонстрируемыми национальными ценностями, результатами развития и т.д.
4	Политическое	Стремление к изменению политического курса страны в желаемом для агрессора направлении на базе гиперболизации социально-экономических проблем государства.

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, проведенные исследования показывают, что основными устремлениями стран-агрессоров при проведении гибридных войн в геополитическом пространстве являются завоевание рынка атакуемой страны как экономической площадки, что совсем не означает необходимость физического захвата территорий.

При этом спектр инструментов гибридных войн сегодня постоянно расширяется и базируется:

– на обширном инструментарии локализации возможностей атакуемой страны не только в вопросах создания, но и в вопросах использования высоких технологий для производства и потребления;

– на широком спектре экономических инструментов (а не только подконтрольного ЦБ, как пишет С.Ю. Глазьев);

– на муссировании и пропаганде любых рассогласований между декларируемыми и фактически демонстрируемыми национальными ценностями, результатами развития государства;

– на стремлении за счет использования комплекса инструментов к изменению политического курса страны в желаемом для агрессора направлении на базе гиперболизации социально-экономических проблем государства.

Именно использование инструментов гибридных войн перечисленных фронтов приводит к разочарованию населения атакуемой страны в ее экономическом отставании от мировых лидеров, во внутристрановом социальном неравенстве и т.д. Достигнутое состояние обманутых ожиданий (фрустрации) создает благоприятную среду для ведения идеологической войны, призванной изменить политические взгляды части населения атакуемой страны (в первую очередь, молодежи как наиболее социально активной части населения с наименее устоявшимися политическими взглядами).

Кроме того, следует отметить, что значение традиционного оружия (в полном смысле этого слова), как фронта осуществления гибридных войн, неуклонно сокращается.

Проведенный комплексный PEST-анализ показал, что реализуемая технология гибридной войны стран-агрессоров в отношении России описывается следующей цепочкой: усиление технологической отсталости и зависимости страны → ослабление национальной экономики → усиление социальной напряженности → достижение политической дестабилизации. В этой связи представляется, что наиболее эффективной комплексной технологией противостояния России гибридным войнам, проводимым странами-агрессорами, является цепочка: научно-техническое развитие – экономический рост – социальное развитие – укрепление внутри- и внешнеполитических позиций.

Фактически такой подход в определенной степени созвучен с геополитическими устремлениями Японии после 1945 г. – стать одной из самых экономически мощных экономических и научно-технологических передовых стран мира.

Литература

1. Академик РАН Сергей Глазьев о четырех фронтах гибридной войны против России. <http://katyusha.org/view?id=14515> (дата обращения 01.10.2020).
2. Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – Т. 11. – №36 (321). – 2015. – С. 53–60.
3. Бартош А.А. «Трение» и «износ» гибридной войны. // Военная Мысль. – 2018. – № 1. – С. 5–13.
4. Бартош А.А. Парадигма гибридной войны // Вопросы безопасности. – 2017. – № 3. – С. 44–61.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы: [Сборник] / Пер. с англ. О. Ю. Уральской. – Москва: АСТ, 2013. – 703 с.
6. Вандам А.Е. Наше положение (1912) // Алексей Вандам. Наше положение. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 176 с.
7. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй, очерки геополитики XX века / Александр Дугин. – Санкт-Петербург: Амфора, 2007. – 381 с.
8. Жигулин В.Г., Тебекин А.В. Научно-практические проблемы импортозамещения в сфере информационно-коммуникационных технологий. В сборнике: О проблемах импортозамещения в таможенных органах и новых разработках в сфере информационно-коммуникационных технологий. Сборник материалов

- Межведомственной научной конференции. Российская таможенная академия. – 2016. – С. 81–91.
9. *Ивашов Л.Г.* Россия и мир в новом тысячелетии (Геополитические проблемы). – Москва: Палея-Мишин. – 2000. – 336 с.
 10. *Ильницкий А.М.* Гибридные войны: вызовы, угрозы, уязвимости. // Национальная оборона. <https://oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2019/0624/114126921/detail.shtml> (дата обращения 01.10.2020).
 11. *Клаузевиц К.* О войне [Текст] / Клаузевиц; пер. А. К. Рачинского. – Москва: Гос. воен. изд-во, 1932-1933 ("Образцовая" тип.). - 1-3 т.
 12. *Клименко С.* Теория и практика ведения „Гибридных войн“ (по взглядам НАТО) 2015. // «Зарубежное военное обозрение». – № 5. – 2015. – С. 109–112.
 13. *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 479 с.
 14. *Колосов В.А.* Геополитика и политическая география: учеб. для студентов вузов, обучающихся по геогр. специальностям / В. А. Колосов, Н. С. Мироненко. - Второе изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2005. – 477 с.
 15. *Комлева Н.А.* Гибридная война: сущность и специфика. // Философия политики и политология. – Т. 12. – №3(167). – 2017. – С. 128–137.
 16. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Том 42. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 537 с.
 17. *Манойло А.В.* Цветные революции в контексте гибридных войн // Право и политика. – 2015. – № 10. – С. 1400–1405.
 18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. – Москва: Издательство политической литературы, 1955-1974 гг.
 19. *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. — 2-е изд. – Москва: Наталис, 2009. – 736 с.
 20. *Молодяков В.Э.* Тосио Сиратори. Новое пробуждение Японии. Политические комментарии. 1933—1945. – Москва: АИРО-XXI, 2008. – 159 с.
 21. *Нарочницкий А.Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860-1895 [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т истории. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 899 с.
 22. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст]: 100000 слов, терминов и выражений: [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. – Москва: Мир и образование, 2015. – 1375 с.
 23. Паспорт специальности ВАК 23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития. <https://www.teacode.com/online/vak/p23-00-04.html>
 24. План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 января 2015 г. № 98-р.
 25. *Позубенков П.С., Позубенков С.П.* Гибридные войны в современном информационном пространстве // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 1121–1125.
 26. *Половенко О., Грозный О.* «Гибридная война: миф или реальность?», «Красная звезда», 02.02.2015.
 27. Путин назвал хамством отказ поставлять материалы для лайнера МС-21. <https://www.rbc.ru/politics/23/09/2020/5f6b61149a7947f771b83e2d> (дата обращения 01.10.2020)
 28. *Ратцель, Фридрих* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Санкт-Петербург, 1890–1907.
 29. *Решетников Л.П.* Вернуться в Россию. Третий путь, или тупики безнадёжности. – Москва: ФИВ, 2013. – 230 с.

30. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии: [Доложен Отд. физ. геогр. в 1912 г., поправки и доп. 1915 г.] / В. Семенов-Тянь-Шанский. – Петроград: тип. М.М. Стасюлевича, 1915. – 33 с.
31. Семь лет санкций против России. Главное. <https://www.rbc.ru/politics/29/07/2020/5bffb0f09a79470ff5378627> (дата обращения 01.10.2020).
32. Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. – Москва: Воениздат, 1984. – 575 с.
33. Совастеев В.В. Японский фашист Кита Икки // Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – С. 221–230. – 296 с.
34. Структура ВВП России. <https://fishki.net/anti/2941367-ob-uverennom-dvizhenii-gossii-v-orujellovskij-mir.html/comment-34313725/> (дата обращения 01.10.2020).
35. Тебекин А.В. О глубине кризиса 2020-го года для мировой и национальной экономик и путях выхода из него. // Журнал экономических исследований. – 2020. – Т. 6. – № 2. – С. 52–71.
36. Тебекин А.В. Проблемы стратегического инновационного развития предприятий отечественного машиностроения и потенциальные пути их решения. // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2018. – № 3 (26). – С. 67–76.
37. Тулеев М. Гибридные методы войны: современные реалии и перспективы. <https://prudent-solutions-analitika.org/2018/03/05/гибридные-методы-войны-современные-р/> (дата обращения 01.10.2020).
38. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. — Москва: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
39. Цымбурский В.Л. Россия - Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / В. Л. Цымбурский. – Москва: Эдиториал УРСС, 2000. – 141 с.
40. Челлен Р. Государство как форма жизни. / Рудольф Челлен; [пер. с швед. М.А. Исаев]. – Москва: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
41. Шмитт К. Политическая теология. – Москва: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
42. Эндаль Ф. Полный спектр доминирования: тоталитарная демократия в Новом мировом порядке. – Санкт-Петербург, Геликон плюс, 2010.
43. Bond, Margaret S. Hybrid War: A New Paradigm for Stability Operations in Failing States. — Carlisle Barracks, Pa: USAWC Strategy Research Project. U.S. Army War College, 2007. – 25 p.
44. Ellsworth Huntington. Mainsprings of civilization N.Y., 1945. - 660 p.
45. Fleming, Brian P. The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. — Fort Leavenworth, KS: U.S. Army School of Advanced Military Studies (SAMS), U.S. Army Command & General Staff College, 2011. – 93 p. DOI:10.21236/ada545789.
46. Glick, Edward Bernard. Mahan: The Influence of a Historian on History. // Military Review. — April 1972. — Vol. 52 — No. 4 — P. 50-53 — ISSN 0026-4148.
47. Hoffman, Frank G. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars. Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.
48. Holger H. Herwig. The demon of geopolitics: How Karl Haushofer “educated” Hitler and Hess: Holger H. Herwig, Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2016. - 292 p.
49. Jensen M., Meckling W. Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. Journal of Financial Economics (JFE), Vol. 3, No. 4, 1976. - 78 P.
50. Mackinder, H.J. Democratic Ideals and Reality. New York: Holt, 1919. Available online as Democratic Ideals and Reality Архивная копия от 27 июля 2013 на Wayback Machine, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. – 296 p.

51. *Marion, Peter*. Evolution in military affairs in the battlespace of Syria and Iraq (англ.) // *Corvinus Journal of International Affairs*. — 2018. — Vol. 2, iss. 2—3. — P. 30—41.
52. *McCuen, John J*. Hybrid Wars. Military review. March-April 2008. pp. 107-113.
53. *Pindjak, Peter*. Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? : journal. — *NATO Review*, 18 November 2014.
54. *Popescu, Nicu*. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. European Union Institute for Security Studies. January 2015, p.1-2.
55. *Williamson Murray, Peter R. Mansoor*. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. — Cambridge University Press, 2012. — 329 p.
56. Паспорт специальности ВАК 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в т.ч.: экономическая безопасность)
57. *Зегжда П.Д., Супрун А.Ф., Анисимов В.Г., Тебекин А.В., Анисимов Е.Г.* Методический подход к построению моделей прогнозирования показателей свойств систем информационной безопасности. // *Проблемы информационной безопасности. Компьютерные системы*. — 2019. — № 4. — С. 45—49.
58. *Тебекин А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В.* Проблемы экономической безопасности России на исходе первой волны пандемии коронавируса. // *Вестник Московского финансово-юридического университета*. — 2020. — № 3. — С. 7—15.
59. *Тебекин А.В.* Стратегический менеджмент. Учебник / Москва, 2020. Сер. 68 Профессиональное образование (2-е изд., пер. и доп.).